«Вслед его Музы
Идут, поют;
Вязь цветов, узы,
Легку кладут
Цепь на народы
Царств на главы...»
(Поход Озирида.)
«Кто такие божества,
Что обдекшись в младость смертных,
С кротостию скиптр берут,
На обширность стран несметных
Цепь цветочную кладут?»
(Венчание Леля.)

Вторая фигура той же группы изображает «под видом Иронни Россию, прикрывающую щитом своим короны, крест и евангелие и готовящуюся пустить против гонителей христианских государей стрелы».

Фигура держит в левой руке щит, а в правой — пучок «перу-

нов» или молний.

«За ним златая колесница
По розовым летит зарям,
Сидлщая на ней царица,
Великим равная мужам,
Рукою держит крест одною
Возженный пламенник другою
И сыплет блески на Босфор.
Уже от северного света
Лицо бледнеет Магомета
И мрачный отвратил он взор.
(Взятие Измаила, 1790.)

Совпадающие в стихах Державина и в скульптуре Рашета эмблемы: оливы, орел, цветочные цепи, луна и т. д., конечно, еще не служат доказательством связи его поэзии со скульптурой Рашета. Эти символы были общеупотребительны. Однако сложные аллегорические образы с индивидуализированной характеристикой, например образ покоренного татарского принца и образ России— «ироини», угрожающей «гонителям христианских государей», совпадающие в скульптуре Рашета и в стихах Державина, безусловно связаны между собой.

4-я группа столового прибора — «Военная Сила» — соответствует сенатскому барельефу «Могущество», с той разницей, что первая изображает Марса, а вторая — Геркулеса. Марс, как скавано в «Описании», представлен в «покойном положении». Он опирается на меч, возле него на земле — цветочные гирянды, позади — два амура играют около щита с вензелем Екатерины.